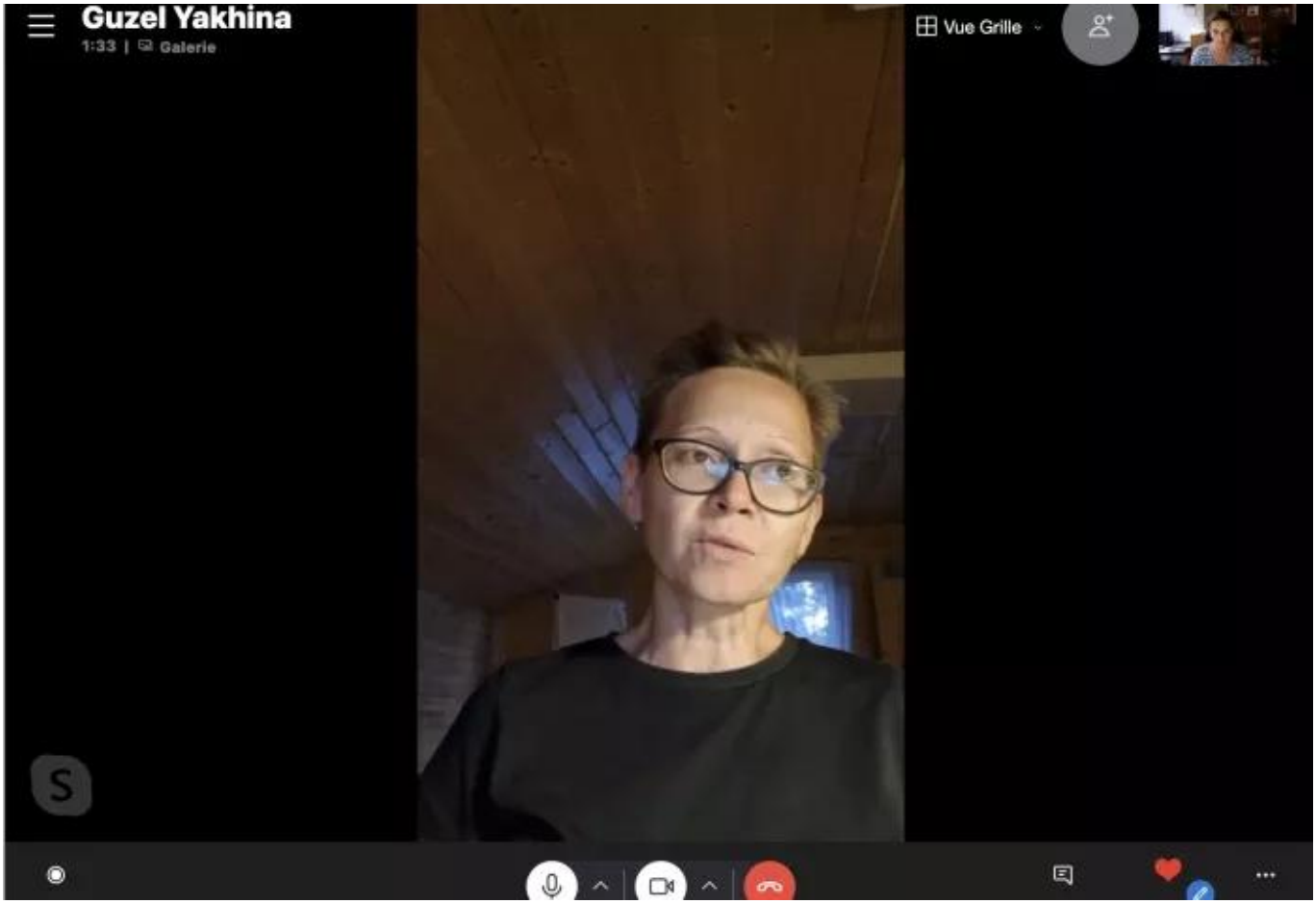
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Гузель Яхина и ее «Дети»

18.08.2021.

Гузель Яхина во время интервью по скайпу Photo © N. Sikorsky

Выход в лозаннском издательстве Éditions Noir sur Blanc романа «Дети мои» на французском языке дал нам повод для новой беседы с известной российской писательницей, которой мы задали тринадцать вопросов. В швейцарских книжных магазинах книга в переводе Мод Мабийар появится уже завтра, 19 августа 2021 года.

Я уже несколько лет внимательно слежу за творчеством Гузель Яхиной – с того момента, когда в 2017 году она приняла участие в Днях русской литературы в Цюрихе. Позже я представила ее вызвавший сенсацию первый роман «Зулейха открывает глаза», а в прошлом году рассказала о скандале, вызванном экранизацией этого романа каналом «Россия-1».

В центре романа «Дети мои», о котором пойдет речь сегодня, - российский немец Бах, школьный учитель, живущий в первые годы существования СССР. Роман вышел в 2018 году и сразу попал в список «20 главных книг 2018 года» в России по версии

журнала Forbes. В декабре 2019 Гузель Яхина стала лауреатом литературной премии «Иво Андрич» в номинации «За лучшую книгу» и в том же месяце роман получил 3-е место на литературной премии «Большая книга» по результатам голосования жюри и победил в народном голосовании за лучшую книгу.

Гузель, успех «Зулейхи» был ошеломляющим. Не страшно было браться за второй роман?

Очень страшно. Страхов было много, и они были разнообразные. Я достаточно долго с ними боролась, почти год. Было опасение написать роман слабее, чем первый, было очень серьезное опасение не справиться с темой, темой поволжских немцев – другого народа, не родного мне по крови, пусть и очень хорошо мне знакомого. Я сомневалась, имею ли право писать об этом. Мне казалось, что роман о поволжских немцах должны писать сами поволжские немцы и никто другой. Но во время изучения материала я поняла, что надо писать не о немцах, а о людях. Достаточно активно используя фольклорную составляющую, германскую мифологию, я и писала все же больше о людях, о стране, о малых народах, населявших ее, и об их отношениях с руководством. Поэтому постепенно страхи преодолевались, но к концу написания я поняла, что они проникли в текст, и основной темой стал страх и его преодоление. В итоге я вытащила этот страх на передний план. Все 22 года романного действия главный герой, школьный учитель Бах, движется в сторону преодоления страхов. Его терзает то страх людей, то страх любви, то страх потерять эту позднюю любовь, то страх ребенка, а затем страх его лишиться. От всех этих страхов герой постепенно освобождается. Параллельно выстраивается вторая важная сюжетная линия – линия Иосифа Сталина, который, наоборот, погружается в страхи и движется от властной эйфории, от мысленного полета над страной к бесславному концу в бронированном автомобиле. Эти две линии – путь героя вверх и путь Сталина вниз – зеркально нарисованы в романе, составляя его сюжетную основу.

Немножко странно беседовать с Вами о втором романе, когда уже вышел третий, «Эшелон на Самарканд», что позволяет говорить о трилогии. Но что делать, переводчикам за Вами не угнаться, так что будем иногда возвращаться назад и забегать вперед. Начнем с того, что мне кажется главным. Считается, что писатели пишут о том, что у них болит. Почему у Вас «болит» именно в этом месте – в 1920-1930-х годах российской истории?

Мне кажется, это место болит у нас у всех. Я не вижу, чтобы интерес к этой теме, а значит и боль от нее, ослабевали. Речь идет о заре советской власти, о времени, когда закладывались основы того государства, в котором мы до сих пор живем. Закладывались основы того советского человека, который во всех нас до сих пор есть – про себя я точно могу это сказать. И даже в наших детях это прорастает просто потому, что мы их воспитываем. Таким образом то советское, что складывалось сто лет назад, по-прежнему живо и по-прежнему нами руководит. Поэтому для меня та эпоха, которую некоторые культурологи называют советской античностью, необыкновенно интересна. Она вызывает трепет, страх и одновременно интерес, зачарованность… Погружаясь в те события, я при этом не убегаю в то время, а скорее наоборот, пытаюсь разобраться с тем, что происходит с нами сейчас. То есть для меня это не эскапизм, а попытка разглядеть советское в нас и таким образом его изжить.

Судя по всему, болит, действительно, не только у Вас, иначе Ваши книги не вызывали бы столь бурных и противоречивых эмоций: одни обвиняют Вас в сознательной провокации и очернении советской действительности, другие, наоборот, в ее обелении. Меняется ли со временем Ваша реакция на эти упреки?

Все три мои романа – исторические, все три посвящены ранней советской эпохе, во всех трех рассматривается маленький человек в контакте с большим государством. И все три вызвали, действительно, примерно одинаковые и при этом прямо противоположные упреки. Это позволило мне понять две вещи. Первая: часто роман, фильм, любое художественное произведение используется как повод подискутировать о советском и о своем отношении к нему. Прошлое не отпускает, требует разговора, площадок для этого немного, поэтому используется каждая. Вторая: любое художественное произведение вызывает реакцию, которая больше говорит о самом критике, чем о данном произведении. Сужу я об этом по тому, насколько противоположны реакции на мои книги, причем не только в том, что касается отношения к советскому прошлому, но и, например, национального вопроса.

Вы называете свои романы историческими, при этом в них фигурируют вымышленные персонажи и не все описываемые события имели место быть. Как сочетаются факты и вымысел?

Мне будет лестно, если мои романы будут восприниматься и как исторические, и как не исторические. Если говорить о романе «Дети мои», то его можно воспринимать как исторический, потому что он весь соткан из кусочков правды. Но можно воспринимать и как не исторический, поскольку вся эта правда формирует вымышленный сюжет, который, я надеюсь, можно считать не привязанным к конкретному времени. В нем можно увидеть рассказ о жизни Немецкой автономии на Волге, созданной в 1918 году и ликвидированной в 1941-м. Я была очень внимательна к этнографическим деталям, возьмите любую, и она окажется правдой, будь то рецепты степных клецек или киргизского чая, который заваривают немцы, или узор на наличниках в домах, или разные суеверия. Все это взято из записок ученых-этнографов. Я уже не говорю о реальных вехах из жизни этой республики – Якоб Бах ведет своеобразный календарь, в котором каждый год имеет особое название и в котором зашифрована вся история Немецкой автономии. Этот блок исторической правды сопровождает вне временной сюжет о человеке, пытающемся убежать от времени, от исторического процесса – именно этим занимается Бах на протяжении всех 22 романных лет.

Вы предвосхитили мой следующий вопрос. Действительно, жители города Гнаденталя, где разворачиваются главные события романа, и вместе с ними Якоб Бах в течение значительной части романного времени живут как бы в параллельной реальности, вдалеке от событий, сотрясающих шестую часть суши. Но в итоге реальность их настигает. Это столкновение неизбежно?

Да. И в тихую, мышиную жизнь Баха, в его маленькую деревню вдруг врывается Большая история, революция, гражданская война, а за ними голод, репрессии… От всего этого он старается убежать на противоположный берег Волги. Происходит такая внутренняя эмиграция, ментальный побег. Поэтому ответ на главный вопрос романа – можно ли убежать от времени? – однозначный: нет, нельзя. В это время приходится погрузиться, опуститься на самое его дно, что и происходит с Бахом в конце романа. Исторический процесс внезапно воплощается в Волге, река

превращается в символ самой Истории, в которой растворяется Бах. Кстати, замечу, что Бах по-немецки означает ручей, то есть получается ручей, впадающий в Волгу, как и все мы – ручейки, впадающие в большую историю своей страны.

Человеку хочется верить в сказку, и сказками полон Ваш роман. Очень интересен, мне кажется, момент, когда Бах понимает, что его «сказки Гофмана» начинают сбываться, и переходит от немецкой сказочной традиции, не всегда «доброй», к русской, с обязательным счастливым концом. Этот поворот дает возможность поговорить о массе интересных вещей – от роли писателя в истории до цензора, сидящего в каждом из нас. Но наверняка Вы имели в виду что-то еще…

Немецкая сказка – это главная метафора текста, метафора советской сказки, которая не сбылась. В трех центральных главах романа Баху кажется, что фольклорные немецкие сюжеты сбываются в реалиях ранних советских лет. И происходит сплав эстетики немецкой сказки (мрачной, суровой) и действительности того периода, не менее мрачной и суровой. Поначалу сказки щедро сбываются, и все персонажи как бы оживают: есть и хитрый портняжка, и ленивый Ганс, и три пряхи… Общественные нивы колосятся пшеницей, потому что гномы под ними куют золото; в рыбацкие сети попадают огромные осетры; бобовые ростки вымахивают чуть ли не до неба, а тракторы, бороздящие поля, называются «Карлики», тоже отсылая нас к фольклорным немецким сюжетам. На дворе – 1925, 1926 годы, время невероятного подъема, когда людям казалось, что советская сказка сбывается. Наблюдается взлет литературы, архитектуры, кинематографа, страна ликует в ожидании завтрашнего дня, и это отражается в жизни крохотной колонии, где живет главный герой. А потом приходит 1927 год и наступает перелом. Изгоняется оппозиция, и Сталин приходит к единоличному управлению страной, становится ясно, что советская сказка претворяется в жизнь совсем не так, как чаялось. Тоже самое происходит в жизни главного героя и в его сказках. Вдруг независимо от него сказки начинают сбываться самым жестоким образом: Гамельнский крысолов уводит за собой детей-пионеров, которые уже не вернутся к родителям, колхозные кони застывают в камне, как в немецкой легенде, приходят неурожай, голод, болезни…

Я пыталась пропитать роман немецкой мифологией не только на уровне сюжета, но и на уровне лексики: вычитывала немецкие сказки, прежде всего сказки братьев Гримм, выбирая разные визуальные образы и выражения и разбрасывая их по тексту. Даже фамилии некоторых персонажей романа – Гримм, Бах, Вагнер – отсылают к немецкой культуре.

При этом некоторые детали, кажущиеся сказочными, на самом деле реальные. Например, выражение «раздери тебя дракон». Кто-то из критиков даже увидел в этом отсылку к Толкиену, но это реальное ругательство, которое использовали советские немцы в 20-е годы прошлого века. В то время немцы в колхозах называли друг друга «товарищ» и «товарищина», а в ругательствах использовали слово дракон.

Внимательный читатель увидит, что собственно волшебных событий в романе нет, есть подсюжеты, а все волшебство творится в воображении Баха.

Роль литературы в СССР, как и в любой закрытой стране, была особой. Не

случайно именно там развилась великолепная школа художественного перевода, позволявшая выглянуть из-за железного занавеса в огромный мир. СССР был самой читающей страной, и для многих рассказанные в книгах истории становились частью жизни. Удивительным образом именно сочинительство становится отдушиной и для Баха, и для его антипода Гофмана, убежденного коммуниста, решившего превратить традиционный Гнаденталь в образцовый коммунистический город. При этом Вы пишите, что Гофман строил мертвое, а Бах своими сказками вдыхал в это мертвое жизнь. Не могли бы Вы прокомментировать этот пассаж?

Гофман – это тот, кого называли немецкими идеалистами, приехавшими из Германии в начале 1920-х годов в надежде построить коммунистический рай в Советской России. Нам, читателям из сегодняшнего дня, сразу становится понятно, что судьба его в романе будет печальной – либо он сгинет в лагере, либо будет убит. Изначально моя задумка была свести Баха и Гофмана в финальном поединке и сделать так, чтобы победа осталась за Бахом. Но в итоге я решила, что это будет слишком в лоб, а уход Гофмана в Волгу, его сливание с Историей показались мне более символичными.

Образ Гофмана подсмотрен мною в фильме «Мартин Вагнер» 1927 года – единственной игровой ленте, снятой на студии Немкино, существовавшей в Саратове и делавшей кино о жизни Немецкой автономии. Среди непрофессиональных актеров, снимавшихся в этом фильме о коллективизации, был карлик, горбун с очень красивым, нежным лицом и выразительными глазами. Он так и просился в роман, где немецкая мифология играет ключевую роль. Так Гофман появился в тексте и вновь слились правда и вымысел.

Вы пишите, что в конце жизни Бах готов оставить в наследство своей дочери Анче «созданный его стараниями мир – плодородный, сытый, и потому добрый». То есть зло – от голода, который станет главной темой третьего Вашего романа…

Тема голода всегда была со мной, она присутствует и в первом романе. В Поволжье же, месте действия второго романа, голод, как Вы знаете, свирепствовал. Третий роман - который сейчас также переводится на французский Мод Мабийяр, чему я очень рада – вообще посвящен голоду. Мне кажется, эта тема так или иначе присутствует в любой семье в нашей стране, может, на так явно как тема войны, но все же. В моей семье, жившей в Поволжье, всегда было особое отношение к хлебу: никогда нельзя было, например, смахнуть крошки со стола, а только собрать в ладошку и съесть. В голодные 1990-е годы опыт старшего поколения пригодился – мои бабушка и дедушка сушили сухари, включился дремавший механизм.

Несмотря на временную отдаленность описываемых событий, некоторые из них перекликаются с нашей действительностью, подтверждая цикличность развития истории. Я имею в виду, например, великолепную сцену свержения памятника Екатерине II во время блиц-визита Сталина в Немецкую автономию. На Ваш взгляд, мы так и будем возводить и сносить?

Момент снесения памятника, отлитого известным скульптором бароном фон Клодтом, правдив, это действительно было. Он был переплавлен на танки. Что же касается темы снесения памятников вообще, то она вечна. Сразу вспоминается фильм Сергея Эйзенштейна «Октябрь», который начинается со сцены снесения

памятника Александру Третьему толпой – распадающийся на части памятник символизирует распад режима.

Что касается наших памятников, то однозначного ответа у меня нет. С одной стороны, казалось бы, символы зла подлежит уничтожить, памятники Ленину следует снести все до одного, а снесенный в 1990-е годы памятник Дзержинскому с Лубянки восстанавливать ни в коем случае нельзя. Казалось бы. С другой стороны, разве можно стирать историю? Тогда, следуя этой логике, почему надо оставлять памятники царям и уничтожать памятники революционерам? А памятники Гитлеру? Повторяю, ответа на этот вопрос у меня нет, и у кого спросить, непонятно. Видимо, с этим предстоит жить.

Русское название романа «Дети мои» – это цитата из приветственной речи Екатерины II к первым переселенцам, приехавшим в Поволжье из разных земель Германии по ее приглашению. Разумеется, в книге слова эти приобретают более широкое, общечеловеческое, философское измерение. Однако и в немецком, и во французском переводах роман вышел под названием «Дети Волги». Не является ли это «потерей» для читателя, сужением смысла?

Для начала – маленькая историческая справка. В 1763-1764 годах Екатерина Вторая издавала приглашающие манифесты, призывая своих соотечественников-немцев переселяться в Россию и обещая им землю для возделывания. В результате в районе Саратова возник и развился немецкий анклав. Это произошло до объединения Германии, и приехавшие люди привезли с собой обычаи, менталитет и диалекты маленьких немецких земель и сохранили их до советского времени.

Что касается названия, то, действительно, в романе есть сцена, когда Екатерина, стоя на пристани в Ораниенбауме, приветствует соотечественников, обещая им от лица государства покровительство и родительское отношение и принимая их в большую семью российских народов. А более века спустя другой российский правитель, Сталин, их этого отеческого покровительства лишает. По решению Сталина Немецкая автономия была ликвидирована после того, как фашистская Германия вторглась в Советский Союз: российские немцы были восприняты руководством страны, как Троянские кони, способные в ответственный момент подвести и переметнуться на сторону врага. В итоге все немцы были депортированы в отдаленные уголки страны – в Сибирь, на Алтай и в Казахстан. Сталин превратил этот народ в сирот, а потому для меня была очень важна линия двух отцов: «отец народов», лишивший своей любви, помимо немцев, еще множество малых народов, и Бах, отдающий всего себя двум приемным детям.

Название «Дети Волги» я предложила сама, поскольку в переводе обратный порядок слов – дети мои – используемый очень редко и придающий словам высокий штиль, просто не работает, особый смысл теряется. Название «Дети Волги» кажется мне интересным для иностранного читателя, обещающим рассказ о России и соответствующим смыслу романа, ведь за сто пятьдесят лет жизни на Волге немцы вросли в эту землю, влюбились в нее и стали ее детьми.

В связи с «заманенными» Екатериной в Россию переселенцами, потомков которых постигла печальная участь, нельзя не вспомнить «белых» русских, которых уже советское правительство настойчиво приглашало вернуться на Родину после войны. Многие из поверивших посулам нашли там не молочные

реки, но если не смерть, то лагерь. Думали ли Вы об этой параллели?

Нет, не думала, но думала обо всех малых народах, подвергшихся репрессиям. Целая глава в романе посвящена раздумьям Сталина о национальной политике, его решению о ликвидации Немецкой автономии и подведению итогов кампании «чисток» и депортации по национальному признаку. Тут надо вспомнить чеченцев, ингушей, румын, албанцев, корейцев, ингерманландцев и многих других. Сталин боялся не только немцев, и именно страх диктовал его действия.

Вот мы и вернулись к теме страха, с которой начался наш разговор. Вы сказали, что главная тема романа – страхи и их преодоление. А мне все же кажется, что и этот роман, и два других – о любви, которая сильнее страха.

Скажем так, и о любви тоже. Я понимала, что пишу не о легкой теме, что описываю порой трагические события, и мне хотелось насытить текст любовью людей друг к другу. Бах учится любви поздно, но отдается ей со всей страстью – любви к Кларе, к дочери, к киргизскому приемышу Ваське. Этот веер постепенно раскрывается и наполняет его жизнь, дополняя проснувшуюся любовь к творчеству и любовь к Волге, становящейся символом времени.

Я вычитала где-то, что сразу после выхода романа **«Дети мои» Вы подписали договор о создании полнометражного фильма по его мотивам режиссером Алексеем Учителем. Так ли это, и если да, то не жалеете ли Вы об этом решении после опыта с экранизацией «Зулейхи»?**

Нет, не жалею! Другое дело, что и проект непростой, и времена непростые – пандемия нарушила многие планы и сократила и без того небольшие бюджеты кинематографистов. Но договор подписан, он действует, права на экранизацию принадлежат киностудии «Рок» Алексея Учителя, а больше о проекте я пока рассказать не могу.

Тогда нам остается набраться терпения и ждать выхода на французском «Эшелона на Самарканд», экранизации «Детей моих» и, конечно, четвертого романа.

современная русская литература
русская литература на французском языке

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/guzel-yakhina-i-ee-deti*